

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.48.29>

ОБ ОДНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЭКСПЕРИМЕНТА У. ЛАБОВА

Научная статья

Бринеv К.И.^{1,*}, Ван Ч.²

¹ ORCID : 0000-0001-8824-594X;

^{1,2} Хэнаньский университет, Кайфэн, Китай

* Корреспондирующий автор (brinevk[at]yandex.ru)

Аннотация

Настоящая статья посвящена обсуждению интерпретации результатов, которые получил У. Лабов в серии проведенных им экспериментов, направленных на исследование номинации конкретных предметов в английском языке. Основной тезис статьи созвучен идее Е.В. Рахилиной, согласно которой У. Лабов исследовал прежде всего денотаты, а потому результаты, которые получены У. Лабовым, не могут являться свидетельством о том, что когнитивные категории и языковые значения устроены прототипически. В статье также обосновывается тезис о том, что исследование У. Лабова в большей степени отражает речевое поведение, которое описывается речевым актом названия, как он представлен в концепции перформативов Дж. Остина, а потому интерпретация данных эксперимента У. Лабова как неких когнитивных познавательных актов, которые связаны с устройством человеческих категорий, является, по мнению авторов статьи, не совсем обоснованной.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, категоризация, теория прототипов.

ON ONE INTERPRETATION OF W. LABOV'S EXPERIMENT

Research article

Brinev K.I.^{1,*}, Van C.²

¹ ORCID : 0000-0001-8824-594X;

^{1,2} Henan university, Kaifeng, China

* Corresponding author (brinevk[at]yandex.ru)

Abstract

The present article is dedicated to the discussion of the interpretation of the results that W. Labov obtained in a series of experiments conducted by him aimed at studying the nomination of concrete objects in English. The main thesis of the work is consonant with E. V. Rakhilina's idea, according to which W. Labov researched firstly denotates, and therefore the results obtained by him cannot be evidence that cognitive categories and linguistic meanings are arranged prototypically. The article also substantiates the thesis that the research of W. Labov's study to a greater extent reflects speech behaviour, which is described by the speech act of naming, as it is presented in J. Austin's concept of performatives, and therefore the interpretation of Labov's experimental data as some cognitive acts, which are related to the structure of human categories, is, in the opinion of the authors of the article, not quite substantiated.

Keywords: cognitive linguistics, categorization, theory of prototypes.

Введение

Нет сомнений в том, что работа У. Лабова, посвященная изучению механизмов номинации сосудов в английском языке, широко известна в современной когнитивной лингвистике. Традиционно она интерпретируется как доказательство некорректности аристотелевской (=классической) теории категорий [9], [11], как свидетельство неопределенности границ между категориями [1], [4]. Во многих исследованиях по когнитивной категоризации присутствует упоминание этой работы, обычно она упоминается как исследование, свидетельствующее в пользу прототипической организации семантики [9], [10], [11]. Сам У. Лабов также считал, что полученные им результаты, скорее, больше соответствуют теории прототипов Э. Рош, чем теории семантических признаков, хотя его высказывания по этому поводу не носят категоричного характера.

См.: «В работе Rosch 1977 дан обзор результатов, полученных в исследованиях по формированию категорий; объединены факты, касающиеся сравнительного изучения «естественных» категорий в разных культурах и экспериментального изучения процесса усвоения категорий человеком; указывается, что, хотя эмпирические факты свидетельствуют в пользу концепции формирования прототипов, а не концепции, основанной на системе признаков, само понятие прототипа пока не является специфической принадлежностью какой-либо из предложенных теорий хранения и поиска информации в сознании человека» [7, С. 135].

Нужно отметить, что интерпретаций, которые ставят под сомнение указанные выше тезисы, заметно меньше, критике теории прототипов посвящена знаменитая статья Анны Вежбицкой [2], а также обобщающая и обзорная работа Е.В. Рахилиной [7].

Настоящая статья посвящена обсуждению результатов, которые получил У. Лабов при исследовании номинации конкретных предметов в английском языке. Основной тезис статьи созвучен идее, которая представлена в работе Е.В. Рахилиной, в которой выдвигается предположение о том, что У. Лабов прежде всего исследовал денотаты, из чего

не вытекает, что категории и значения устроены прототипически. Также мы постараемся показать, что исследование У. Лабова в большей степени отражает речевое поведение, которое описывается речевым актом называния, как он представлен у Дж. Остина, а потому интерпретация данных эксперимента У. Лабова как неких когнитивных познавательных актов, которые связаны с устройством человеческих категорий, является, по мнению авторов статьи, достаточно проблематичной.

Основные результаты и обсуждение

Прежде чем перейти к непосредственному обсуждению результатов, которые получил У. Лабов в своих экспериментах, представим краткое описание его работы. Как известно, целью исследования У. Лабова являлся поиск и анализ условий для обозначения класса денотатов лексическими единицами, а именно словом «cup» (= чашка). Чтобы достичь этой цели исследователь сформировал варьирующийся в конкретных отношениях класс изображений сосудов. Этот класс представлен на рисунке, который взят нами из самой работы У. Лабова (см. рис. 1).

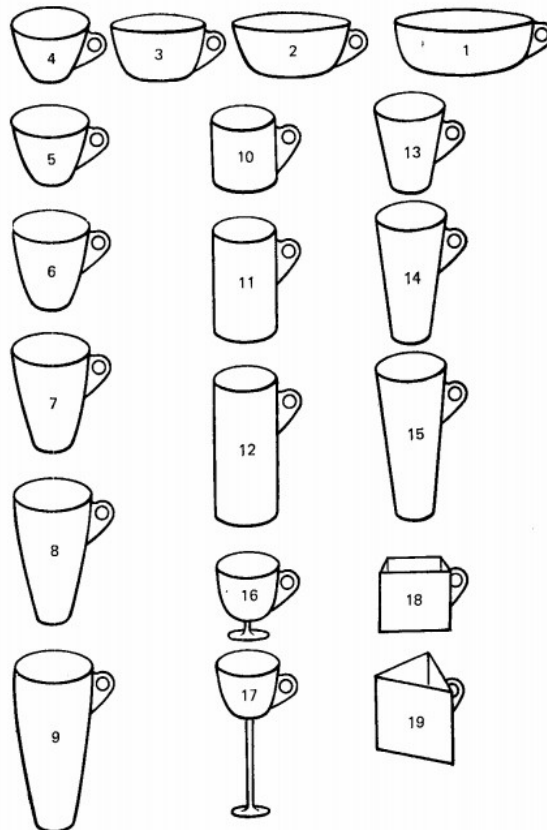

Рисунок 1 - Изображения сосудов, использованные в экспериментах
DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.48.29.1>

Напомним, что У. Лабов провел несколько экспериментов, в которых исследовались условия (факторы), которые влияют или способны влиять на процесс номинации сосудов словом «чашка» в английском языке.

Так, был проведен свободный эксперимент, который условно может быть назван «эксперимент с нейтральным ситуационным контекстом», свободный эксперимент «с семантической подсказкой», а также закрытые эксперименты «с подсказкой» и «без подсказки».

В ходе свободного эксперимента информант отвечал на открытый вопрос: «Что это такое?». В эксперименте, который мы условно назвали «эксперимент с семантической подсказкой» добавлялась некоторая дополнительная информация. Например, в ходе этого типа эксперимента информанту при предъявлении изображения предлагалось представить, что в сосуде, который изображен на картинке, помещивают кофе или суп или в нем (сосуде) находятся цветы, и только с учетом этой информации предлагалось называть этот предмет. Так называемый «закрытый эксперимент» включал в себя ответ на прямой вопрос экспериментатора: «Можно ли назвать этот предмет чашкой?».

В результате исследования У. Лабовым были получены определенные эмпирические закономерности в номинации предметов, которые детально описаны и проанализированы в его работе.

Перейдем к интерпретации данных эксперимента. Необходимо отметить, что далее мы оцениваем только одну из выявленных У. Лабовым корреляций, при этом мы считаем, что если проведенный нами анализ справедлив по отношению к отдельно взятому фрагменту исследования, то, высоковероятно, что этот анализ может быть распространен и на остальные результаты, которые представлены в проведенных У. Лабовым экспериментах.

Прежде чем оценить полученные в ходе экспериментов результаты, выскажем некоторые предварительные соображения. Как кажется, процесс номинации, который имел место в экспериментах У. Лабова, может быть задан некоторой таблицей. В левом столбце этой таблицы можно поместить любую произвольную картинку из

эксперимента, которая представляла сосуд, тогда как в правом столбце таблицы можно поместить описания этого сосуда-картинки, которое будет представлять собой класс высказываний, которые соответствуют некоторым характеристикам сосуда. С целью наглядности покажем это на примерах, которые на картинке (см. рис. 1) имеют порядковые номера 16, 18, 19.

Таблица 1 - Описания сосудов-картинок

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.48.29.2>

Рисунок	Высказывания
16	а) у этого предмета есть ручка, б) у этого предмета есть ножка, в) ножка заканчивается круглой подставкой, г) горлышко имеет форму круга или овала, д) верх предмета чуть шире, чем низ...
18	а) у этого предмета есть ручка, б) верх и низ предмета представляют собой либо квадрат, либо трапецию...
19	а) у этого предмета есть ручка, б) верх и низ предмета представляют собой треугольник...

Как видно из представленной таблицы, правая часть представляет собой высказывания, которые могут быть истинными или ложными, то есть они могут соответствовать и могут не соответствовать действительности. На наш взгляд, высказывания в правой части этой таблицы в целом не представляют для носителей языка никакой «когнитивной проблемы». Вполне вероятно, что каждый носитель языка способен указать на то, что высказывание «У этого предмета есть ручка» истинно для всех трех представленных в таблице картинок. Любой носитель языка, по нашему мнению, легко может указать на то, что высказывание «Этот предмет имеет форму круга и сверху, и снизу» ложно для рисунка в третьей строке таблицы, равно как является ложным высказывание «У этого предмета нет ручки» для всех трех строк представленной таблицы. К сказанному стоит добавить, что относительно каждого предмета, который изображен на картинке, у любого носителя языка существуют некоторые ожидания, которые также могут быть сформулированы в истинных или ложных высказываниях.

Проиллюстрируем этот тезис, создав таблицу, подобную таблице описаний, которая представлена нами выше.

Таблица 2 - Описания-ожидания сосудов-картинок

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.48.29.3>

Рисунок	Высказывания-ожидания
16	если посмотреть на этот предмет сверху, то можно увидеть круг или овал, увидеть часть ручки, которая будет выглядеть как полукруг, вероятно, что невозможно будет увидеть ножку и подставку...
18	если посмотреть на предмет сверху, то можно увидеть квадрат или трапецию, можно увидеть, что у предмета нет дна и в него невозможно налить жидкость...
19	если посмотреть на этот предмет с фронтальной стороны «острой» его части, то можно увидеть одну из проекций треугольника, если предмет вращать, то в одной из его проекций невозможно будет увидеть ручки...

Немного подробнее остановимся на описаниях-ожиданиях. Эти высказывания, как можно убедиться являются гипотетическими. Напомним, что на это свойство высказываний о фактах указал К. Поппер, согласно концепции которого такие высказывания могут быть ложными в опыте, но их истинность никогда не может быть установлена при помощи опыта (см. об этом в [8]). Проиллюстрируем это тезис на примере сосуда, который изображен на рисунке под цифрой 19. Например, можно представить, что мы повернули его так, что предмет нам виден сверху. Очевидно, что мы ожидаем увидеть треугольную форму этого предмета. Однако никакое количество подтверждающих примеров (наших поворачиваний этого предмета и фиксации факта, что форма действительно треугольная) не будет являться доказательством истинности условного высказывания «Если мы посмотрим на этот предмет сверху, то увидим, что он имеет треугольную форму» (обманы восприятия при этом исключаются). Тогда как одного примера, который способен

опровергнуть это условное высказывание достаточно для того, чтобы признать его ложным (допустим, кто-то в n -ый экспериментальный раз увидел, что он круглый).

Сказанное выше, на наш взгляд, достаточно ясно свидетельствует о том, что то, что расположено в таблице справа, имеет вполне определенное отношение к познанию и к знанию: дескриптивные высказывания, которые «обозначают» факты или гипотезы, безусловно, имеют когнитивную и познавательную ценность.

Что же собой тогда представляет левая сторона таблицы? Эта сторона представляет собой попытку ответить на вопрос: «Что это такое?». Назовем эту проблему «проблемой названия» предмета в языке X . На наш взгляд, проблема названия не имеет такой же познавательной ценности, какую имеют проблемы справа. Эта проблема представляет собой ответ на вопрос: «Есть ли подходящее название предмета в языке X , который задан описаниями справа?».

По нашему мнению, высоковероятно, что ответ на этот вопрос не имеет большого значения для когнитивной или познавательной деятельности. Так, понятно, что в строке №3 представлено описание предмета, для которого в русском языке нет подходящего наименования. Действительно, это описание трудно «сократить» до одного слова, до слова «чашка» или слова «стакан», например. Однако остается открытым вопрос: «Каким образом эта проблема влияет на само описание?». Считаем, что любое ее решение никаким образом не повлияет на это описание, оно не способно, например, его изменить. Если это справедливо, то справедливым будет и утверждение о том, что любое решение проблемы названия не способно оказать существенного влияния на когницию, процессы познания и т.п. При этом оно, бесспорно, может оказывать существенное влияние на процессы коммуникации. Так, очевидно, что если говорящему будет нужно побудить кого-то принести «чашку-кружку» из другой комнаты, то он должен будет сформулировать описание или выбрать название, которое облегчило бы узнавание этого предмета тем человеком, к которому он хочет обратиться с этой просьбой.

Интерпретация этих процессов в традиционном когнитивном ключе предполагает наличие категорий, которые задаются именами, отсюда вытекает представление о том, что на вопрос «Что такое чашка?» дается ответ, в котором устанавливаются некоторые факты или истинны, неважно, аристотелевский это вариант истины или это вариант истины Лакоффа-Рош. Но классы вещей не задаются именами-категориями, классы, на наш взгляд, задаются пропозициональными функциями. Постоянные, которые пробегают эту функцию и получают значение «истинно», и образуют некий класс вещей, событий и процессов.

На данные представленного эксперимента можно посмотреть и с другой стороны. Очевидно, что если изменять факты определенным образом, например, так же, как они изменяются на представленных изображениях, то любой участник эксперимента заведомо ставится в позицию некоторой неопределенности, которая может равняться $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$, ... k/n , при ответе на вопрос о том, видит ли он перед собой чашку или нет. Другими словами, участник эксперимента, действительно, не уверен, советует ли слово «чашка» тому, что он видит, то есть соответствует ли слово «чашка», имеющее вполне конкретное денотативное значение тому конкретному единичному денотату, который подлежит обозначению в данный момент речи. В этом аспекте респондент просто не знает, «сокращать» ли такое описание до слова «чашка», «кружка» или «фужер», ведь традиционно* так никто не делает.

*«Традиционно» в данном случае для нас означает существующую номинативную норму, как это описано в работе Н.Д. Голева [3].

Вопрос о том, каким образом эта неопределенность может быть «разрешена» (дробь k/n и выражает степень этой неопределенности, где «иметь значение $\frac{1}{2}$ » означает, например, «равновероятно») – это отдельный вопрос. Отметим, что на этот вопрос, в частности, есть ответ и в самой работе У. Лабова. В некоторых экспериментальных сериях в его исследование вводится конкретный «контекст», который тем или иным образом устраняет неопределенность соответствия описания (=фактов) и номинативных ресурсов языка. Наличие дополнительных фактов, которые представляют собой своего рода «номинативные подсказки», делает эксперименты У. Лабова понятными и хорошо интерпретируемыми: испытуемый видит то, что может быть в первом приближении представлено классом высказываний-утверждений и классом высказываний-ожиданий, другими словами, то, что он видит, может быть описано конъюнкцией высказываний об изображении (условно – о предмете). Но к этой конъюнкции иногда присоединяется следующая информация: «Представьте, что человек в этом сосуде помешивает кофе», «Представьте, что в этом сосуде цветы», «Представьте, что в этом сосуде находится суп». То есть к описанию добавляется еще один произвольный воображаемый «факт». На рисунке 2 представлено наглядное изображение распределения ответов с наведенным ситуационным контекстом.

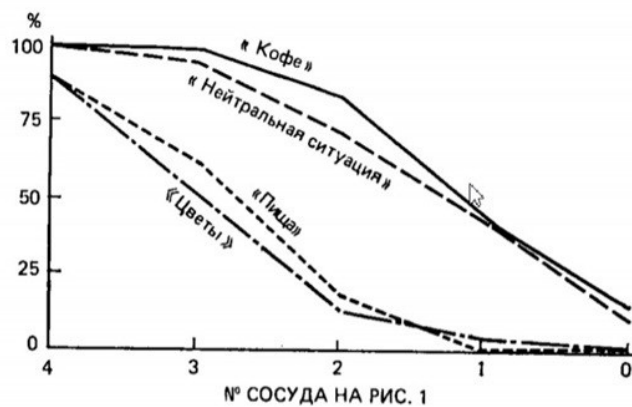

Рисунок 2 - Графики согласованности для обозначения сосуда словом сир в зависимости от его ширины в четырех ситуациях

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.48.29.4>

Примечание: экспериментальная серия 1; N = 24 (где N - число испытуемых)

Напомним, что данный эксперимент проводился для изображений, которые представлены на рисунке 3.

Рисунок 3 - Изображения, для которых проводился эксперимент

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.48.29.5>

Результаты этого эксперимента объясняются вполне ясно, и они, по нашему мнению, закономерны. Так, достаточно легко можно объяснить и равновероятность ответов «чашка» в ситуации «кофе» для сосуда номер 1. Это можно объяснить тем, что деформация формы (этот предмет, очевидно, менее всего похож на то, что в языке традиционно называется словом «чашка») всего лишь наполовину компенсируется обозначенной в эксперименте функцией (=из этого предмета пьют кофе), хотя и в этом случае, на наш взгляд, можно было бы ожидать увеличение ответов «чашка». В остальном результаты носят прозрачный характер. Ситуации «цветы» и «пицца» ослабляют номинативные возможности слова «чашка», тогда как ситуация «кофе» повышает его номинативный потенциал.

По нашему мнению, данное исследование объясняет класс номинативных ситуаций, который Дж. Остин описывал как экспозитивы. Напомним, что согласно Остину речевой акт называния, который соответствует перформативному глаголу «call», включается Остином в класс экспозитивов (класс 7с остиновской классификации экспозитивов) [5, С. 128]. Напомним также, что Остин считал, что перформативные высказывания не могут быть истинными или ложными, а значит, они не сообщают какую-либо информацию о реальности. Из этого следуют, что в речевых актах называния ведущими являются текстовые или коммуникативные факторы: называние является решением, которое оценивается говорящим с точки зрения его эффективности, например, называя предмет тем или иным именем, говорящий прежде всего оценивает возможность узнавания слушающим предмета по выбранной говорящим номинации. Примером может служить ситуация на пикнике. Если на пикнике мы пользуемся пнем, как столом, то мы можем, конечно, называть пень столом, однако мы понимаем, что пень – это не стол. Другими словами, мы ни в каком приемлемом смысле не описываем и не познаем пень, мы фиксируем наше решение использовать *этот пень* как стол, также при этом фиксируется решение о том, что в этой коммуникативной ситуации на всем ее протяжении слово «стол» будет отсылать к ранее принятому нами решению и будет иметь референцию к конкретному пню.

Чтобы подтвердить нашу гипотезу о зависимости выбора номинативной единицы от «фактов» (идею о том, что номинативная единица, прежде всего, представляет собой выбор говорящего для сокращения определенной фактической информации, которая может быть представлена описаниями) нами был проведен небольшой опрос.

Для данного опроса мы взяли сосуд из ряда сосудов У. Лабова, который в его эксперименте был обозначен номером 19 (см. Рис.4).

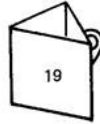

Рисунок 4 - Сосуд 19

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.48.29.6>

При опросе нами был создан новый «ситуационный контекст» (= была создана семантическая подсказка). Она (подсказка) формулировалась следующим образом: «Представьте, что у этого предмета нет дна», при этом респонденты отвечали на вопрос «Что это такое?». Мы ожидали, что появятся ответы вида: «Это форма для игры в песок», где ключевым смыслом является «форма для чего-то». Результаты опроса были следующими: из 48 респондентов 14 человек дали предполагаемый нами ответ. Этот ответ имеет следующий ряд вариантов:

1. Форма для печенья.
2. Форма для выпечки.
3. Форма для заливания бетона.
4. Приспособление для нарезания сыра равными треугольниками.

По нашему мнению, описанный выше опрос и его результаты, подтверждают гипотезу о том, что именно варьирование фактов определяет выбор номинации, которая является «удобным сокращением» для класса высказываний, соответствующих денотату.

Заключение

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что исследование У. Лабова было осуществлено как нейтральное по отношению к теории прототипов, но с развитием этой теории стало своего рода классическим примером, примером, который подтверждает или даже доказывает теорию прототипов [9]. Безусловно, что анализ, который представлен в статье носит предварительный характер, однако авторы надеются, что настоящий анализ если и не опровергнет этого утверждения, то, по меньшей мере, вызовет какое-то серьезное его обсуждение.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии / Н.Н. Болдырев. — Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. — Изд. 2-е, стер. — 123 с.
2. Вежбицкая А. Прототипы и инварианты / А. Вежбицкая // Язык. Культура. Познание. — М.: Изд-во Русские словари, 1996. — С. 201-231.
3. Голев Н.Д. Динамический аспект лексической мотивации / Н.Д. Голев. — Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1989. — 252 с.
4. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова // Рос. академия наук. Ин-т языкознания. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 560 с.
5. Остин Дж. Слово как действие / Дж. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 17. — М., 1986.
6. Рахилина Е.В. Когнитивная семантика: История. Персоналии. Идеи. Результаты / Е.В. Рахилина // Семиотика и информатика. — Выпуск 36. — М., 1998. — с. 274-324.
7. Лабов У. Структура денотативных значений / У. Лабов // Новое в зарубежной лингвистике. — Выпуск 14. — Проблемы и методы лексикографии. — М., 1983. — с. 133-176.
8. Поппер К.Р. Объективное знание. Эволюционный подход / К.Р. Поппер. — М.: Эдиториал УРСС, 2002. — 384 с.
9. Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы / Т. Г. Скребцова. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. — 391 с.
10. Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика: Курс лекций / Т. Г. Скребцова. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. — 256 с.
11. Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике / А. Ченки // Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления // под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой и И.А. Секериной. — М.: Эдиториал УРСС, 2002. — С. 340-366.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Boldyrev N.N. Kognitivnaya semantika: Kurs lekcij po anglijskoj filologii [Cognitive Semantics: a course of English Philology lessons] / N.N. Boldyrev. — Tambov: Publishing House of the Tambov University, 2001. — Ed. 2nd, ster. — 123 p. [in Russian]
2. Vezhbickaya A. Prototipy i invarianty [Prototypes and Invariants] / A. Vezhbickaya // YAzyk. Kul'tura. Poznanie [Language. Culture. Knowledge]. — M.: Publishing House "Russian Dictionaries", 1996. — P. 201-231 [in Russian].
3. Golev N.D. Dinamicheskiy aspekt leksicheskoy motivacii [The Dynamic Aspect of Lexical Motivation] / N.D. Golev. — Tomsk: Publishing House of Tomsk University, 1989. — 252 p. [in Russian]
4. Kubryakova E. S. YAzyk i znanie: Na puti polucheniya znanij o yazyke: CHasti rechi s kognitivnoj točki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira [Language and Knowledge: On the Way to Gaining Knowledge about Language: Parts of Speech from a Cognitive Point of View. The Role of Language in the Knowledge of the World] / E. S. Kubryakova // Ros. akademiya nauk. In-t yazykoznanija [Russian Academy of Sciences. Institute of Linguistics]. — M.: Languages of Slavic Culture, 2004. — 560 p. [in Russian]
5. Ostin J. Slovo kak dejstvie [The Word as an Action] / J. Ostin // Novoe v zarubezhnoj lingvistike [New in Foreign Linguistics]. — No. 17. — M., 1986 [in Russian].
6. Rahilina E.V. Kognitivnaya semantika: Istoriya. Personalii. Idei. Rezul'taty [Cognitive Semantics: History. Personalities. Ideas. Results] / E.V. Rahilina // Semiotika i informatika [Semiotics and Computer Science]. — No. 36. — M., 1998. — p. 274-324. [in Russian]
7. Labov U. Struktura denotativnykh znachenij [The Structure of Denotative Values] / U. Labov // Novoe v zarubezhnoj lingvistike [New in Foreign Linguistics]. — No.14. — Problemy i metody leksikografii [Problems and Methods of Lexicography]. — M., 1983. — p. 133-176. [in Russian]
8. Popper K.R. Ob'ektivnoe znanie. Evolyucionnyj podhod [Objective Knowledge. The Evolutionary Approach] / K.R. Popper. — M.: Editorial URSS, 2002. — 384 p. [in Russian]
9. Skrebcova T. G. Kognitivnaya lingvistika: klassicheskie teorii, novye podhody [Cognitive Linguistics: Classical Theories, New Approaches] / T. G. Skrebcova. — M.: YASK Publishing House, 2018. — 391 p. [in Russian]
10. Skrebcova T. G. Kognitivnaya lingvistika: Kurs lekcij [Cognitive Linguistics: A course of lectures] / T. G. Skrebcova. — SPb.: Faculty of Philology of St. Petersburg State University, 2011. — 256 p. [in Russian]
11. CHenki A. Semantika v kognitivnoj lingvistike [Semantics in Cognitive Linguistics] / A. CHenki // Sovremennaya amerikanskaya lingvistika: Fundamental'nye napravleniya [Modern American Linguistics: Fundamental Directions] // ed. by A.A. Kibrik, I.M. Kobozevoj i I.A. Sekerina. — M.: Editorial URSS, 2002. — P. 340-366. [in Russian]